

Илья
ТЕХЛИКИДИ

АНТОНОВ
КОЛЛАЙДЕР

будущее становится настоящим
на ваших глазах

18+

РОМАН

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Илья Техликиди

Антонов коллайдер

Серия «Другая реальность»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68472538
ISBN 978-5-17-151108-1

Аннотация

«Антонов Коллайдер» – дебютный роман Ильи Техликиди, креативного продюсера, музыканта и писателя, выпускника литературной школы «Глагол».

Середина XXI века. РНКР – Российская НеоКоммунистическая Республика, которой управляют искусственный интеллект и крупные китайские корпорации. Каждый гражданин здесь – под наблюдением. А те, кто борется с системой тотального контроля, объявлены врагами и экстремистами.

Антон – корпоративный *data*-курьер – за день должен доставить двенадцать зашифрованных посланий, по числу станций на Кольцевой столичной подземки. Не успеть – нельзя. Коллайдер уже запущен.

По мотивам романа выпущена веб-игра «*In The Air*. Фейки, которые убивают».

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

/Anton Notes	7
1.0	10
2.0	27
3.0	56
/Anton Notes	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Илья Техликиди Антонов Коллайдер

Дизайн Виктории Лебедевой

В оформлении переплёта использована иллюстрация, сгенерированная нейросетью Midjourney

© Техликиди И. С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

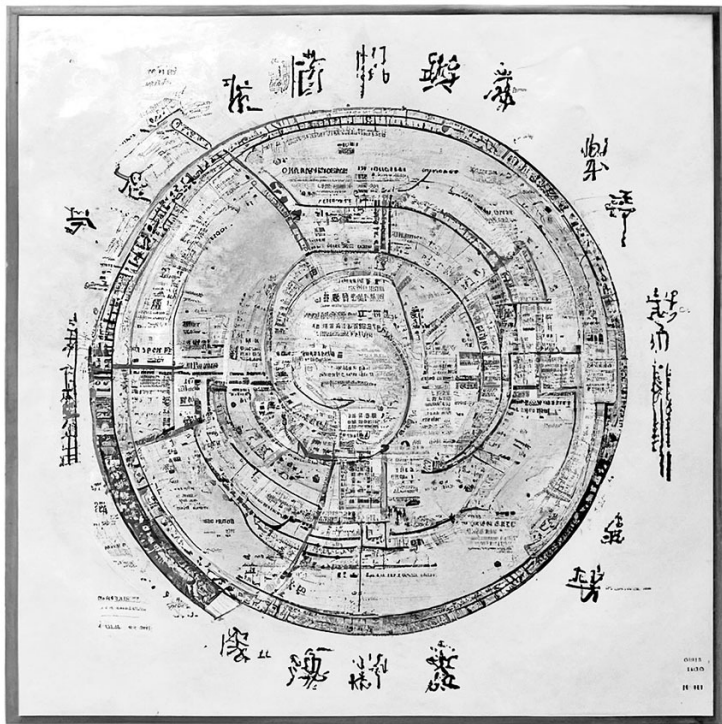

Иллюстрация сгенерирована нейросетью Midjourney

*Посвящается миру, который я отчетливо вижу,
но который бы с удовольствием хотел
развить*

*...в России реальность традиционно выглядит
абсурднее любого вымысла, поэтому чем вымысел*

страннее, тем больше ему веры.

Виктор Пелевин

/Anton Notes

/Обращение

Добрый вечер. Вечер. Сумерки. Смеркалось. Ветер шумел в ушах. Благородный воин нёсся на своём коне, краснея от еле сдерживаемой ярости. Он мечтал упасть в объятия заботливых материнских рук, вновь вернуться в волшебный мир детства, но суровые глаза смотрели на него как-то по – особенному...

– Так, опять началось. Запускаем заново.

Вечер. Вечерело. На город пали сумерки. В воздухе пахло весной. Ветер с моря дул. Ветер с моря дул. Нагонял беду. В бесплодных попытках усмехнуться в усы воин нёсся на коне, в то время как время несло как конь.

– В то время как кто-то снова несёт херню! Заново.

Вечер. Вечер – это когда нет солнца. Солнце садилось. Садись, двойка. Мне придётся вызвать родителей. Колян, а давай вызовем проституток. Прости, наивное дитя, я жертва страсти, но не любви. У меня ломкая психика. Ломай меня полностью.

– Бля, да что же с ним сегодня такое! Вчера ж всё нормально было.

– Видимо, не по той ветке пошёл. Слышишь, штампами говорит. Давай ещё попробуем.

Вечер. Стемнело. Туман стелется над водой. Я не буду перед тобой тут стелиться. Не смотри на меня так своими голубыми глазами. Мраморной кожей. Чуткой душой. Свет моей души для тебя отключён за неуплату. Мои глаза как алмазы – слишком дорого. Как угли – могут испачкать. Испачкать. Пачка балерины была помята. Наутро предки нашли в моей куртке помятую пачку «Кента». Если есть в кармане пачка сигарет. Простите, закурить не найдётся?

– М-да. Совсем с ума сошёл. Похоже, перепрошивать надо...

– Да погоди ты тоже. Тебе только дай повод перепрошить. Щас покопаюсь в коде...

Вечер. Вечность. Вече. Вечереет. Вечер добрый. Вечер в хату. Добрый вечер, дорогие друзья! В эфире капитал-шоу «Поле чудес»!

– Во, уже близко! На Первый настроились, значит, недалеко. Давай ещё немного.

Добрый вечер, дорогие жители Российской НеоКоммунистической Республики.

– Всё, вспомнил наконец. Скармливай ему актуальную поветку.

Добрый вечер, уважаемые граждане, дорогие друзья. Со всем скоро наступит Новый год. Все мы знаем, как Пандемия изменила наш мир и привычный уклад вещей. Сделала нашу страну, наш отчий дом неприступной крепостью. Мы сумели адаптироваться к этим непростым изменениям. Стали муд-

рее, сильнее, терпимее. Смогли объединиться перед лицом неприятеля, как делали это за нашу долгую историю не раз. И печенег нас терзали, и половцы, и татаро-монголы, и поляки, и шведы, и турки, и Наполеон, и Гитлер, и... ну вы и сами всё это знаете. Мы всегда жили в бурное, динамичное, противоречивое время. Но в последние три десятилетия наконец нашли гармонию с собой и друг с другом. Закрыли границы во имя безопасности нашей страны. Ввели режим бессрочной изоляции во благо здоровья граждан. И на всякий случай отключились от всемирной сети Интернет с целью недопущения заражения никоими вирусами – ни компьютерными, ни идеологическими. Всё страшнее дует ветер перемен, всё отчётливее срывает человеку крышу, но наша форточка, если можно так выразиться, надёжно закрыта. Как говорится, нет худа без добра. Когда-то коварная Зараза помогла нам осознать наш Путь, нашу Национальную Идею. Наш народ всегда строго придерживался семейных ценностей. А что есть семья? Наш Дом. Место, где все мы по-настоящему счастливы. Поэтому я, Вечный Воин AI, на правах Великого Верховного Правителя, он же ВВП Всея Российской НеоКоммунистической Республики, с гордостью и уже по традиции объявляю наступающий год годом, который мы, как обычно, проведём в кругу родных и близких. С очередным годом Великой Бессрочной Изоляции, дорогие друзья! С Новым годом! Будьте счастливы. Будьте здоровы. Будьте дома.

1.0

«Киевская»

1.1

Москва. Словно огромная стиральная машина, она выжимает из тебя все соки до самой последней капли, а после напитывает тело и разум новой порцией желчи и возвращается к режиму беспощадного отжима – нервов, денег и драгоценной энергии. Как и миллионам других несчастных жителей и гостей столицы, каждый день мне приходится крутиться в этой бесконечной центрифуге, от которой всё больше тошнит. Вот уже полтора года я впахиваю мальчигом на побегушках – курьером в огромной финансовой корпорации: она раскинула своё страшное обрюзгшее тело на трёх последних этажах одной из башен Москвы-города (ранее известного как Москва-Сити) и, как избалованный жирный мальчишка, показывает Всевышнему язык.

Мой день начинается в шесть утра. Час – на собраться, ещё час – на поездку из подмосковного придатка в эпицентр нашей любимой Родины. Мой транспорт – убитая, разваливающаяся от старости и стыда электричка, до предела заполненная плохо пахнущим и туго соображающим людом само-

го разного толка: бесчувственными офисными зомби, обречёнными алкашами, в мясо упоротыми пацанами, ворчащими бабками, хамоватыми бабами и прилипчивыми продавцами разнообразной китайской хрени.

Далее – здравствуй, Кировский (бывший Киевский) вокзал, тёмное грязное царство цветочных кавказских баронов, злых водителей маршруток и настойчивых брянских женщин, истошно кричащих своё фирменное заклинание подобно стае злых голодных чаек: «Брянск, Брянск, Бр-р-рянск!» Удивительно, что весь этот опасный психоделический коктейль служит всего лишь чистилищем, разверзшимся перед воротами в истинный ад – огненный Вавилон, шумерскую Кадингиру, который современные жители Третьего Рима именуют «Азиатский» (экс-«Европейский»). Здесь, в жерновах этой потребительской вакханалии, перемалываются последние остатки человеческого интеллекта, а на его месте, будто вызванный действием паразитического вируса, возникает самый низкий людской инстинкт – бездумное, бесконтрольное потребление.

– Доброе утро, Антон. Высылаю маршрут дня. Подтвердите получение.

На связи – высокотехнологичный биоробот по имени Наталья. Эта неестественно красивая и бесконечно пустая девушка дислоцируется в ресепшен-зоне корпорации *Delta Industries* (конечно, у нас в РНКР никто её так не называет – только на оригинальном китайском, но китайский я знаю так

себе и особо не люблю), на которую мне приходится работать триста шестьдесят пять долбанных дней в год. Каждое утро Наталья звонит мне в одно и то же время, произносит единственную заученную фразу, параллельно отправляя маршрут с адресами доставки, и тут же вешает трубку. Я видел её один раз в жизни, во время первого и последнего собеседования, но эти бесчувственные глаза, не выражающие ровным счётом никаких эмоций, появляются в моём сознании всякий раз, когда я слышу её голос. Временами, после особенно сложного трудового дня, я представляю, как жёстко трахаю её в рот в надежде, что она заткнётся раз и навсегда, онемееет и никогда уже не сможет мне позвонить. Но даже в этих фантазиях Наталья всё так же смотрит на меня своими мертвенно-серыми от безразличия глазами. В тот счастливый момент, когда она всё же опускает веки, моё уставшее тело беззвучно кончает и сразу же отрубается – в отращении к самому себе и своему сексуальному фантому.

Получив информацию на сетчатку, я инстинктивно выпучиваю глаза и издаю нервный смешок: сегодняшней маршрут в точности передаёт всю концепцию моей нынешней жизни – замкнутый круг, чёртово колесо, призванное показать бесконечные горизонты собственного ничтожества во всей его красе. Двенадцать адресов, располагающихся на двенадцати станциях Кольцевой линии. Причём заказы с учётом времени доставки идут аккуратно по часовой стрелке: «Киевская» – «Краснопресненская» – «Белорусская» – «Но-

вослободская» – «Проспект Мира» – «Комсомольская» – «Курская» – «Таганская» – «Павелецкая» – «Добрынинская» – «Октябрьская» – «Парк культуры».

Совпадение? Или Наталья каким-то образом прознала о моих ментальных утехах и решила надо мной подшутить? Перезваниваю белокурому биороботу...

– Антон, какие могут быть шутки?

Отключаюсь. Уже четвёртая за утро никотиновая капсула, загруженная в специальный отсек фильтра-респиратора, испаряется на тёплом январском воздухе. Не знаю, что тут творится, но, похоже, постоянно опрокидывающая меня на лопатки судьба решила наконец устроить небольшую передышку. Каждый день я, словно распластанная под увеличительным стеклом инфузория-туфелька, хаотично перемещаюсь из одного конца современной неокommунистической Москвы в другой, развозя важные, особо важные и никому нахрен не упавшие документы. Но сегодняшний день сурка обещает стать самым упорядоченным за долгие месяцы курьерства. Что ж, несмотря на то, что в моём распоряжении есть только восемь часов, чтобы выполнить все двенадцать заказов, я всё-таки попробую получить от происходящего хоть какое-то удовольствие.

Полетели.

1.2

Я имею весьма смутное представление о том, как работает этот чип, но, если верить запрещённой базе знаний ВиКи (и, соответственно, не менее запрещённому ВиПиЭну, предоставляющему к ней нелегальный и потому крайне рискованный доступ), действует он примерно так: в радужную оболочку глаза сотрудника корпорации вживляется тончайшая наноплёнка – электронная схема с автономным доступом в интернет. Сидящему во чреве компании оператору остаётся лишь своевременно отправлять всю необходимую информацию на этот мини-сервер по специальному зашифрованному каналу, а мне – являться в назначенное время к адресату и на протяжении нескольких секунд смотреть в инфракрасный видеоискатель его миниатюрного девайса-ресивера. Кроме того, эта плёнка имеет встроенный ГЛОНАСС-приёмник, поэтому корпорация полностью контролирует моё местоположение в пространстве и времени. Не так давно по инету гуляла страшная курьерская байка: якобы один крайне жёсткий китайский работодатель периодически выжигал этим гаджетом сетчатку чересчур ленивых курьеров. Дело запахло жареным в прямом и переносном смысле: на корпорацию вроде даже завели уголовное дело, но она, как и ожидалось, перевела все стрелки на разработчика ресивера и его будто бы бракованную партию товара. В итоге суд признал винов-

ными тех самых ленивых курьеров.

Когда я устроился на эту опасную низкооплачиваемую работу (с учётом уровня безработицы считается, что мне крупно повезло), мои редкие знакомые поначалу задавали один и тот же надоедливый, но вполне логичный вопрос: к чему все эти сложности? Если ты доставляешь не какой-то физический товар, а всего лишь определённую информацию, то почему не передавать её адресату напрямую, онлайн – например, через мессенджеры или по электронной почте? Ответ очевиднее, чем кажется: эксы. Или экстремисты, если говорить языком обвинительных приговоров. После того как несколько лет назад великая и ужасная хакерско-анархистская группировка *Code_in* (или же «Кодеин», как именуют её в народе; организация запрещена на территории Российской Нео-Коммунистической Республики) начала выдавать индульгенцию на создание себе подобных (выражаясь языком бизнеса, продавать франшизу), эта и без того крупная противозаконная структура разрослась до невиданных прежде размеров, спровоцировав резкий скачок в разработке инструментов партизанской войны с государством и корпорациями (что одно и то же), в том числе и способов перехвата ценной информации. В ответ власть и бизнес вбухали миллиарды в шифровальные киберсистемы, способные защищать конфиденциальные данные государственных и бренд-департаментов, но каждый новый механизм был обречён на провал: кодеиновцы с лёгкостью обходили любую, даже самую мудрё-

ную онлайн-защиту. Пока учёные корпорации в конце концов не додумались использовать посредников – курьеров из плоти и крови, которые служат транспортным средством для зашифрованного информационного трафика, притом никаких подробностей о поставляемом товаре они (то есть мы) не знают. Всё это сильно напоминает перевозчиков наркоты, в тела которых утрамбовывают до десятков килограммов запрещённой дряни, но вот сама дрянь за некоторыми исключениями до мозга хозяина не доходит. Так и мы: переправляем на тот берег неведомые знания, о сути и предназначении которых можем лишь догадываться.

Надо отметить, что если бы умная наноплётка служила обычным облачным сервером, куда сгружается и выгружается определённая информация, то экссы получили бы доступ к её дистрибутивам чуть меньше чем за 24 часа. Бывалые курьеры говорят, что главная сила разработки заключается в уникальном симбиозе переносимой информации и генетического кода самого носителя. То есть к двоичному коду данных примешивается ДНК конкретного курьера, и распутать такой хитросплетённый клубок шифра якобы не под силу ни одному кодеиновцу. Пока не под силу.

По последним данным, доля теневого интернета, целиком и полностью контролируемого преступной группировкой *Code_in*, составляет более 14 % от общего объёма сетевого трафика, а это далеко не маленькая цифра – по крайней мере для госорганов и корпораций, несущих от действий

эксов серьёзные убытки и оттого открывших на них легальную охоту. За каждого пойманного кодеиновца, ещё живого или уже мёртвого, дают в среднем до нескольких тысяч криптоюаней (баснословная по нынешним меркам сумма). Слава богу, относительная гуманность эксов пока не позволяет им взяться за нас, курьеров – прислужников корпораций, лабораторных крыс, которых заставляют бегать по лабиринтам мегаполиса в надежде сожрать в финале эксперимента отравленный кусочек сыра.

Все эти мысли пролетают в моей голове по пути к гостинице «КНР» (бывшая «Украина»), в одном из фешенебельных номеров которой располагается первый адресат. Всё, что я знаю об этом заказе, – короткий пароль: следуя инструкции от Натальи, я должен произнести его на ресепшене.

Наземный паркинг гостиницы представляет собой настоящий музей роскоши под открытым небом: огромные обтекаемые *Great Wall*, футуристичные *Chery*, баснословно дорогие *Changan* и ещё с десятков классических *luxury*-брендов китайского автопрома, идентифицировать которые мне просто не под силу. С тех пор как азиатские партнёры, воспользовавшись нашим участием в Великой Антизападной войне, сделали криптоюань ключевой валютой экономики РНКР, их товары и услуги подмяли под себя все сферы нашей бессмысленной жизни. Когда я пробираюсь между этими дорогими экспонатами, работающими на старом недобром бен-

зине (все мы знаем отношение нашей большой нефтяной бочки к электротранспорту и зеленым технологиям), то чувствую себя ещё большим ничтожеством: с текущей зарплатой и уровнем жизни позволить себе самую дешёвую из этих тачек я смогу лишь при следующем перерождении, не раньше.

Стеклянные двери гостиницы распахиваются передо мной подобно воротам древнего китайского дворца. Около минуты охрана «КНР» тщательно меня обыскивает, после чего пренебрежительно кивает в сторону ресепшена, где уже переминается с ноги на ногу в ожидании нового гостя молодой и чересчур улыбчивый азиат. Я подхожу к нему и, не здороваясь, произношу отображаемую на сетчатке левого глаза и установленной в нём линзе комбинацию цифр: 4-8-9-1. Улыбка с лица хоста исчезает: он в спешке достаёт из нагрудного кармана корпоративного пиджака сложенную пополам электронную записку, сверяет услышанные цифры с тем, что высвечивается на её гибком экране, секунду пристально на меня смотрит – но тут же, спохватившись, хватается винтажную трубку стационарного телефона и тихо шепчет по-китайски один-единственный вопрос. Услышав на том конце одобрительный ответ, азиат вновь натягивает фирменную чеширскую улыбку и с явным акцентом мурлычет: «Одиннадцать этаж. Президентский люкс».

Я и подумать ни о чём не успеваю, как сверхскоростной лифт, будто желая побыстрее отделаться от неприятного вку-

са, с отвращением выплёвывает меня в холл нужного этажа. Искать президентский люкс не приходится: перед одним из номеров стоят двое в чёрных похоронных костюмах. Первый – лысый и худой, чересчур резкий в движениях – буравит взглядом так, словно готов убить просто потому, что я иду по этому грёбаному коридору. Второй – жирный, как боец сумо, с короткой стрижкой ёжиком и каменной физиономией – тоже уставился не моргая. Непонятно, кого из них стоит опасаться больше.

Едва я подхожу к двери, Сумоист делает знак «стоп», а его напарник без разговоров начинает осмотр моих карманов. Я к этому уже привык – меня обыскивают десятки раз на дню; порою кажется, что никакого личного пространства у меня нет и никогда не было, таков уж фатум курьера.

Удостоверившись в моей безоружности, Лысый ударяет костяшками тонких пальцев в дверь. Её открывает ухоженная славянская красотка в маленьком, расшитом золотыми китайскими драконами красном платье, напоминающая валютную проститутку класса *Premium*, а то и выше. Почему-то её лицо мне знакомо: возможно, я видел её по ящику, или на одном из рекламных билбордов, или в каком-нибудь жёстком порно. Хотя все они, по сути, на одно лицо.

Бросив беглый профессиональный взгляд и удостоверившись в моей абсолютной бесперспективности для её финансового благополучия, Красотка тут же забывает о моём существовании и вальяжно отходит в сторону. Сумоист гру-

бо заталкивает меня внутрь и вместе со столь же немногословным коллегой ведёт по заданному маршруту, настоящему Шёлковому пути в миниатюре: мимо антикварных китайских ваз, массивной мебели из дорогого красного дуба и переливающихся утренним светом хрустальных люстр... вперёд, к спинке кресла-трона, туда, где восседает перед огромным экраном, транслирующим последние бизнес-сводки, король этого процветающего квазигосударства – адресат, на поклон к которому и пришёл покорный слуга.

1.3

Мы останавливаемся в нескольких метрах перед ним, но никакой реакции не следует: адресат по-прежнему не отрывается от монитора, на котором график цен на нефть уверенно отбивает чью-то крайне нестабильную кардиограмму. Телохранители стоят столбом, и даже Лысый уменьшает резкость движений до минимума. Краем уха я слышу, как Красотка откупоривает где-то на другом конце номера бутылку шампанского, два раза с чувством процедив протяжное «Бля-а-а!» (видимо, игристое пролилось на её платье). Мне ничего не остаётся, как продолжить стоять истуканом, пылаться на очередной инфаркт мировой экономики и машинально представлять, как моя соотечественница снимает залитый шампанским наряд, обнажая в этих апартаментах своё ключевое торговое преимущество.

В это время на экране роскошного монитора разгорается нешуточная дискуссия двух гостей прямого эфира: похожая на бизнес-аналитика молодая азиатка в строгом деловом костюме спорит с похожим на бизнесмена поджарым надменным азиатом средних лет, а между ними, медитативно мотая головой то в одну сторону, то в другую, сидит старик (тоже азиат, хотя реальный он человек или искусственный интеллект, ловко мимикрирующий под *Homo sapiens*, как это часто бывает с современными ведущими, понять сложно). Раз в две минуты старик останавливает лысую голову-маятник, устремляет взор прямоком в сидящего по ту сторону экрана зрителя и задаёт уже порядком разошедшимся оппонентам очередной короткий вопрос. Уж не знаю, что он там говорит (функция субтитр-перевода в моей линзе активируется лишь при взаимодействии с адресатами), но этой единственной фразы хватает, чтобы на мгновение огорошить собеседников и охладить их пыл до первоначального градуса разговора, а далее всё повторяется по кругу.

– Не, ну посмотри на этих дебилов. У них же абсолютно нет памяти. За секунду забывают, как легко он манипулирует их эмоциями, заставляя наступать на одни и те же ментальные, мать их, грабли.

Поначалу померещилось, будто эта мысль прозвучала внутри моей собственной головы. Но почти сразу я осознал, что голос (чёрствый и неприятный – так мог бы говорить обычный подмосковный зэк, а не постоялец президентского

люкса) принадлежал адресату. Причём говорил он на столь чистом русском, что меня словно перезагрузило – вообще-то такие хоромы в «КНР» могли позволить себе лишь китайцы.

Адресат медленно почесал макушку коротко стриженными ногтями – пальцы его были облачены в красивый серебристый *smart*-корпус из драгметалла, служащий не только дорогим аксессуаром, но и тактильной перчаткой для поднебесной метавселенной, – и продолжил:

– Смотри, есть такая древняя китайская притча о визире и осле. Так вот, у старика был чёрный, мать его, осёл, которого он считал ну пиздец каким умным – умнее, чем сам императорский визирь. Ну и, конечно, однажды это дошло и до визиря, и до императора. Короче, старика в итоге поймали и пинками погнали во дворец. Император долго думать не стал, позвал своих карманных опричников и устроил, что называется, допрос с пристрастием: «Ты чего, дед, совсем там ослеп, не видишь, чё творишь? Типа, считаешь моего, бля, визиря глупее твоего, бля, осла?» Однако старик тут не ступешевался, глянул прямо в императорские глаза, что охренеть как отважно, и спокойно так: «Но ведь это, о Великий, чистая правда. Однажды ехал я на своём осле и повёл его через огромную такую яму. В итоге мы с ним оба упали, пиздец как больно было».

Краем глаза я увидел, как Лысый с Сумоистом практически синхронно беззвучно улыбнулись – давно заметил, что жестокие и притом не обременённые интеллектом люди лю-

бят, когда кому-то больно.

Адресат и сам хмыкнул и отхлебнул тёмной жидкости из стеклянного бокала, стоящего на столике справа от кресла. Когда он поднял этот самый бокал, я увидел, что за ним пряталась красивая электронная кредитка, а рядом из белого порошка был выложен глядевший прямо на меня игривый азиатский глаз. Эх, этому оку я бы сейчас с удовольствием подмигнул, да кто ж мне предложит...

Адресат поставил бокал на место, бережно укрыв свой третий глаз, и продолжил:

– Ну, «пиздец» он, конечно, императору не говорил, это я уж от себя добавил. Но это неважно, пали, что дальше было. Короче, старик смотрит на императора и продолжает свой, мать его, сторителлинг: «На обратном пути, о Великий, я хотел поскорее добраться до дома и решил захерачить тем же маршрутом, но ослик мой дал заднюю и нам пришлось идти в обход. А знаете почему? Да потому, что даже осёл обладает прекрасной памятью и учится на своих ошибках. А ваш визирь – дурак дураком. Все знают, что вы однажды запретили ему брать деньги из казны. Но этот мудака вас разве послушал? Так до сих пор и пиздит. Поэтому ваш визирь тупой, а память его – дырка от китайской монеты».

Адресат чуть заметно притопнул чёрной налакированной туфлей по паркету, впечатав эффектный финал притчи в моё подсознание.

– Вот так прям и сказал, ты видишь? Короче, император в

ахуе. Понимает, что старику тут не место, но поделаться ниче-го не может – как говорится, устами старого глаголет истина. В общем, императору пришлось согласиться и сделать ста-рика своим, мать его, статским советником. А визиря того – на кол, чтобы опять не повторять одно и то же, своё дра-гоценное императорское время не тратить... Ну чё, увидел мораль?

Мораль я увидел и даже уловил, а вот кому из нас была посвящена сия притча – нет. Тут Лысый, не иначе как под-смотрев ход моих мыслей, больно толкнул меня в плечо.

– Да вроде да, – ответил я, стараясь говорить как можно более непринуждённо, но при этом не слишком заискиваю-ще (они такого не любят). – Извиняюсь, но у меня ещё полно заказов.

Адресат медленно поднялся с кресла, застегнул верхнюю пуговицу красивого приталенного тёмно-серого пиджака и, не глядя на меня, прошёл мимо. На вид ему было около трид-цати, и в нём определённо смешались две крови – славянская и азиатская. Имелся характерный раскосый прищур, но «на-шим» он был благодаря светлым волосам, широкому карто-фелеобразному носу, подчёркнутым скулам и чуть опущен-ным, вечно недовольным уголкам тонкого рта.

Я услышал, как адресат щёлкнул замками кейса. Вскоре он вернулся, держа в руках стильный карбоновый ресивер, напоминающий дорогую авторучку, встал передо мной на расстоянии метра и впервые пристально посмотрел на меня.

– Сколько ты зарабатываешь в день, а?

– Пятнадцать криптоюаней.

Лысый и Сумоист тихо заржали, и даже прятаясь в другой комнате Красотка вновь прошипела своё коронное «бля-а-а...» с такой интонацией, как если бы ей было за меня бесконечно стыдно.

– Ну, бля, понятно. А я – от двухсот до пятисот тысяч. В час. – Адресат обвёл взглядом номер. – Надеюсь, заметно?

Я дежурно кивнул. Самонадеянный гад.

– Ну а живёшь-то ты где?

На этот вопрос я отвечать точно не хотел, но адресату мой ответ был и не нужен.

– А я башляю семь тысяч криптоюаней в сутки только за номер. Не говоря уже про этих. – Он небрежно кивнул в сторону телохранителей и девушки, которая уже шла с откупоренной бутылкой по направлению к бескрайнему дивану откровенно пьяной походкой. – Смотри, что получается. Можно подумать, что мы с тобой из разных миров, да? А вот и ни хуя. Мы с тобой тут коптим одну реальность. Между нами не больше метра. Но, как ты и сам мог заметить, мы ни разу не похожи друг на друга. Видишь, в чём реальная разница между мной и тобой?

– Не, не вижу.

– Не видишь. А я тебе сейчас, бля, покажу. Разница в том, что я умею глядеть в оба и следить за ситуацией, а ты нет. Я умею держать взгляд, а ты нет. Это сделало меня милли-

онером, ну а ты, похоже, так и сдохнешь в бедности. Но и это не главная твоя беда. Самое грустное, что ты сдохнешь в незнании.

Наглый гад!

– А что мне следует знать? – спросил я, стараясь больше не отводить глаз от неприятного лица адресата.

Он подошёл ещё ближе, помолчал, размышляя, стоит ли говорить правду, и наконец произнёс:

– Если ты владеешь чем-то действительно, мать его, ценным, самое тупое – это ценное прятать и беречь. Наша реальность та ещё падла: увидит, что тебе важно, и на раз-два отхапает это себе. Поэтому, если получил информацию, ты, это, передай её дальше. Иначе она тебя заживо сожрёт и не подавится.

Он сделал шаг вперёд, направил ресивер на моё лицо, и тот, словно лазерная указка, подсветился мягким белым светом. Я указал на свой левый глаз.

– М-да, сегодня будет весёлый денёк, но мы справимся. Ты только знаешь чё? В оба смотри.

Я было опешил от этой странной фразы, но адресат уже навёл луч ресивера аккуратно на сетчатку глаза, который я тут же инстинктивно выпучил что было сил, ощутив мгновенную резкую боль.

Получил информацию – передай её дальше...

2.0

«Краснопресненская»

2.1

Я возвращался к станции метро на автопилоте. Встреча с этим то ли бандитом, то ли бизнесменом (а скорее всего, и тем и другим одновременно) и последовавший за ней разговор никак не укладывались в концепцию привычного утра. Безусловно, этот человек посеял на давно выжженном поле моего разума новые зёрна для размышлений. Но сделал это со всей виртуозностью энергетического вампира, завершив ритуал весьма показательной процедурой. Словно малярийный комар, адресат обнажил длинный хоботок, вставил его в моё тело и выкачал всю красную жидкость, оставив напоследок весьма неоднозначные впечатления о себе.

От этих мыслей стало тяжело дышать. Казалось, что датчики фильтра, отвечающие за плотное прилегание к коже, сошли с ума, впившись в лицо стальной хваткой военного робота и перекрыв доступ к заветному кислороду. Я понимал, что всё это мне только чудится: эти физические ощущения – классический психосоматический ответ на длительный стресс (да и на откровенно хреновое утро). Фильтр –

респиратор базовый, входящий в товары первой необходимости, но при этом весьма «умный». Он беспрерывно – разумеется, если ты исправно платишь государству налоги, – тречит частоту дыхания, объём лёгких и даже (но это не для таких, как я, а для обладателей платных *Premium*-версий и всех чиновников по умолчанию) искусственно их вентилирует, практически исключая для носителя возможность задохнуться. Но ничего поделать я с собой не мог: мне просто требовалось почувствовать то, от чего так давно отвык, – эфемерный запах свободы.

Я с усилием надавил на метки респиратора указательными пальцами обеих рук – в ответ гаджет пискнул и нехотя отсоединился от кожи лица, как всегда, больно потянув её за собой.

В голову ударила тяжёлая смесь спёртого воздуха и жарких ядовитых паров, ставших привычными спутниками новой реальности – реальности, которую своими руками создала раса якобы разумных (а на самом деле откровенно безмозглых) аборигенов, сознательно угробивших биосферу в обмен на глупые технологические побрякушки, рабами которых они же сами с радостью стали. К середине XXI века мы критически изменили климат планеты, затопив целые государства и перевернув привычные сезоны с ног на голову. Спровоцировали новые военные конфликты, миграции, голод и очередной масштабный финансовый кризис. Сделали окружающую среду враждебной и непригодной для жизни.

ни, устроив новое массовое вымирание видов. И всё для чего? Чтобы продолжать сжигать ископаемое топливо, несмотря на то, что оно уже на исходе (так, во всяком случае, говорят эксы), и покорно спускать заработанные в бесконечном круговороте страданий виртуальные гроши на средства самозащиты от всех этих напастей, включая чёртовы респираторы, спасающие наши хилые тела от быстрой и мучительной смерти? Кто мы, если не самый тупой и жестокий вид в истории Земли – причём жестокий не только к этой планете, её флоре и фауне, но и к самим себе?

Без респиратора виски тут же загудели, лёгкие сдавило, а в глазах потемнело, будто меня поместили в газовую камеру. Стало действительно тяжело дышать, и на этот раз психосоматика была ни при чём. Я тут же опомнился и резко надел фильтр обратно, жадно глотнув воздух. Не знаю, какой урон я причинил себе, сняв респиратор на открытом пространстве (моя базовая версия подписки таких данных не выдаёт). Но это секундное помешательство стоило того: на мгновение я почувствовал запах той самой желанной и запретной свободы. Свободы, которая пусть ненадолго, но позволила мне ощутить себя полноправным владельцем своей жизни.

Протиснувшись в двери подземного царства и бросив беглый взгляд в око турникетной камеры, мгновенно опознавшей мою личность и снявшей очередную поездку с её цифрового баланса, я последовательно миновал два сгорбленных под тяжестью бытия атланта-эскалатора и наконец запрыгнул

в метро только что приползшего из тьмы железного подземного монстра.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Краснопресненская».

Толпа машинально вдавила меня в дверь, удостоив недовольными взглядами, и тут же вернулась к своим насущным делам, а я между тем с облегчением отключил ненавистный фильтр, устало повисший на шее, и постарался оглядеться по сторонам.

Утренний вагон метро представлял собой огромный *data*-центр: стоящие и сидящие пассажиры как один смотрели сухими от безжизненного воздуха зрачками в экраны своих пластиковых очков, линз (примитивных по сравнению с моей), а также допотопных планшетов и смартфонов. С тех пор как *Apple* и *Samsung* покинули враждебный российский рынок, а уровень нашей покупательской способности откатился к последнему десятилетию прошлого века, китайские *IT*-корпорации завалили страну дешёвыми росфонами – одобренными отечественным законодательством гаджетами с жёсткой системой контроля за пользователями и только идеологически верным софтом, соответствующим линии китайско-российской партии. Причём многие модели производители девайсов даже не удосужились локализовать на русский (росфон, не знающий при этом великого и могучего, – образцовый сюрреализм в лучших традициях нашей прекрасной державы, которую, как известно, умом не

понять). Это позволило потребителю покупать устройства за ещё меньшую цену, по умолчанию соглашаясь на почти самоубийственную попытку разобраться в хитросплетениях иероглифов, – несмотря на тесные взаимоотношения с КНР, осилить китайский большинство наших граждан до сих пор не сумело. В общем, росфон стал не только негласным кринжем и мемом (оба термина запрещены на территории РНКР) у крайне тонкой оппозиционной прослойки, но и отражением всей политики государства: российской здесь была лишь обёртка, а начинка давно и целиком принадлежала Большому китайскому братану.

– Уважаемые пассажиры. Помните, что несанкционированная раздача интернета карается денежным штрафом в размере от пятисот до полутора тысяч криптоюаней и лишением свободы на срок от двух до семи лет. Пользуйтесь официальным *Wi-Fi* Московского метрополитена – самым быстрым подземным интернет-каналом Земли!

Шееры – так называют мятежников, предоставляющих населению нелегальный доступ во Всемирную паутину, находящуюся за пределами цензурируемого отечественного «Щита» (как говорят на враждебном Западе, «файрвола»). В свою очередь, эти ремесленники делятся на два противоположных по взглядам и убеждениям подвида: пэй- и фри-шееров. Первые – банальные ушлые барыги: с помощью пиратских роутеров они подключаются к закрытым источникам трафика силовых структур, которым доступен Большой веб,

и раздают доступ втридорога, взамен даря рисковым юзерам возможность пребывать в свободном интернете вне контроля системы. Вторые промышляют тем же самым, но с ощутимой разницей: за свои услуги эти ребята не берут ни копейки. В основном фри-шееры относятся к тем или иным подвидам *Code_in*, поэтому их подрывная деятельность носит не коммерческий, а сугубо идеологический характер. Так или иначе, и те и другие круглыми сутками перемещаются по основным артериям мегаполиса, кося под рядовых граждан, причём налегке, ведь их небольшие, размером с таблетку экстази микрорouters в прочных биосиликоновых чехлах вшиты глубоко под кожу – этот трюк позволяет шеерам оставаться в относительной безопасности: в случае внезапного досмотра при них ничего запретного не обнаруживается, а улавливать точное местоположение сигнала хитрого, постоянно меняющего свои частоты роутера медлительные корпорации и подвластные им контролирующие органы вроде бы ещё не научились.

Как разглядеть шеера в потоке людской толпы? Как и любого дилера – по чуть задерживающемуся на твоей переносице взгляду и лёгкому вопрошающему кивку: мол, нужно чё, парень?

Я пользовался услугами пэйшееров раз двадцать, когда ещё в студенческие годы был дико повёрнут на своей однокурснице и всё следил за её статусами и фотками в социальных сетях, за что в официальном вебе мог бы быстро вызвать

подозрения и сесть по обвинению в неконтролируемой онлайн-активности и сексуальном домогательстве. Ну а с фри у меня было ровно два контакта, причём оба закончились, мягко говоря, хреново.

Первая встреча случилась ночью, когда я стоял на Патриаршем мосту: мне было девятнадцать, осенняя хандра съела мою голову так, что я серьёзно подумывал о том, чтобы прыгнуть в холодную воду и достать пятками до самого дна Москвы-реки. Он подошёл ко мне сбоку, опёрся на перила моста и без прелюдий спросил, не хочу ли я воспользоваться инетом, бесплатно. Я повернулся и посмотрел незнакомцу в лицо. На вид ему было около двадцати пяти: помятая футболка *GitHub Club* выдавала открытого кодера, а большие тяжёлые круги под глазами – то ли продолжительную бессонницу, то ли химическую зависимость. Я внимательно посмотрел на фришеера и уже готов был согласиться на бесплатную веб-дозу, как вдруг до меня донёсся практически неслышный треск электрошокера, и парень беззвучно пал на холодную мостовую.

– Будешь знать, с-сука, как наш бизнес гасить.

Прямо за нами стояли два взрослых, пахнущих перегаром пэй-шеера. Один из них, усатый, раза два пнул лежащего без чувств конкурента носком ботинка, а второй сплюнул на него и весело мне подмигнул.

– Доступа отпробовать не желаете, сударь? Скорость отличная, стоимость демократичная.

Я нервно сглотнул, отвернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Вторая встреча произошла около года назад на одном из летних московских рейвов. Он проходил на территории заброшенного медицинского завода и собрал почти пять тысяч человек, разодетых во всевозможные разновидности белых халатов, с марлевыми повязками на лицах. Дилеры и маргиналы вперемешку с детишками богатых родителей, всё как обычно. Много синтезированной AI-музыки (громыхающего неотехно с примесью злого остросоциального хип-хопа), много ни к чему не обязывающих разговоров и очень – я повторюсь, – очень много наркотиков.

Мы познакомились в чилауте. Он вальяжно валялся на кресле внутри большой компании, передающей по кругу толстенный дымящийся косяк. Я сидел рядом, добивал очередную никотиновую капсулу и пытался отвлечься от мыслей. Неизвестная китайская пыль, купленная час назад у шныряющего туда-сюда мелкого пацана, закручивала мозг в зефироподобную спираль. Одновременно хотелось забиться в угол, подальше от этой кишащей толпы, и поплакать на плече у первого встречного.

Когда очередь дошла до шеера (тогда я ещё не знал, чем он занимается), тот стиснул косяк в зубах, глубоко затянулся пару-тройку раз и как ни в чём не бывало протянул его мне. Я сфокусировал реальность на горящем джойнте и взял его кончиками большого и указательного пальцев. Меня уже

так плющило от китайского синтезированного порошка, что я не задумываясь деактивировал «умное» сопло фильтра и раздул косяк. Это стало фатальной ошибкой.

Через минуту я проклинал всех имеющихся в пантеоне моей головы богов: тело сидело как вкопанное, а разум при этом вертолётит, будто я оказался героем старинного фильма «Апокалипсис сегодня» и наш «Чёрный ястреб» терпел крушение где-то над непроходимыми джунглями Вьетнама.

Парень, передавший косяк, толкнул меня в бок и по-своему, словно мы знали друг друга не один десяток лет, спросил:

– Друг, ты как вообще?

В ответ я промычал что-то нечленораздельное. Он встал с насиженного кресла, взял мою руку и, перекинув её через плечо, с усилием поднял меня и поволок к большому окну заводского цеха.

От окна осталась только рама – стекла уже давно не было. Ощувив лёгкое прикосновение ночного ветра, я немного пришёл в себя. Незнакомец стоял рядом, потягивая через фильтр отвратительно-притягательный дымок олдскульной электронной сигареты.

– Можешь не курить? Меня сейчас стошнит.

Он усмехнулся и «затушил» малышку, проведя пальцем по её телу.

– Чем это тебя так размазало?

– Не знаю, с виду на порох и меф было похоже... Пиздец

как плохо.

Он внимательно посмотрел в мои глаза, прикидывая, насколько мне тяжело.

– Слушай, можем выйти в Большую сеть прямо сейчас. Посмотрим, чем тебе можно помочь.

Я с усилием обернулся к нему.

– Ты чё, шеер, что ли? У меня нет денег.

– Это фри. Ну что, надо, нет?

Я кивнул и тут же почти чудом остановил надвигающийся позыв тошноты.

– Тогда давай найдём для этого место поуютнее.

Он помог мне оторваться от подоконника и повёл в центр зала к огромной, уходящей к потолку винтовой лестнице. Толпа вокруг нас переливалась флуоресцентными одеяниями и белоснежными в лучах ультрафиолета улыбками. Дойдя до лестницы, мы начали наше медитативное восхождение: в тот момент мне казалось, что на ступенях сидят сотни – нет, тысячи и даже миллионы людей в изменённом состоянии, возбуждённо обсуждающие бесчисленное количество тем. Мы пробирались через них медленно, с трудом находя клочок свободного пространства, чтобы поставить ногу и сделать следующий шаг.

Наконец мы стояли на вершине этой вавилонской башни перед большой металлической дверью, которую, подобно зубастому Церберу, охранял суровый охранник-здоровяк. Шеер чуть заметно кивнул ему, как старому знакомому, и тот

открыл врата в сей локальный рай – техническое помещение, превращённое в ещё один чилаут, но более камерный и претенциозный: с белыми диванами, небольшим баром, приглушённым светом и живым диджеем, играющим сироповидный эмбиент. Люди сидели и лежали повсюду: одни употребляли, другие разговаривали или целовались, некоторые практически совокуплялись, а остальные при всём при этом сладко спали. Мы обогнули несколько диванов, достигли бара, над которым мерцала неоновая голограмма «Воды нет! Никакой!!!», и зашли в подсобку – затхлую кладовку с очередной ведущей наверх узкой лестницей. Так мы попали на крышу: рогатая луна покачивалась прямо над головой сияющим золотым тельцом, а звёзды заполняли всю видимую область неба и игриво подмигивали, будто шепча: «Что, нормально тебя штырит, приятель?» Конечно, нормально: как говорили старики, звёзд в Москве и до климатического кризиса почти никогда не было видно, а сейчас и подавно. Меня явно глючило. Осознав этот факт, я инстинктивно сглотнул, с натугой вдохнул отфильтрованный, холодный после привычных летних заморозков воздух и без сил повалился на крышу. Вертолётить стало чуть меньше. Глаза медленно закрывались, сознание отключалось, клонило в сон.

– Эй, чувак, ты давай тут не отрубайся! Так недолго и кони двинуть.

Шеер присел на корточки и слегка похлопал меня по щекам.

– Доставай давай росфон.

Я с трудом сунул руку в левый карман штанов, вынул потрёпанный китайский аппарат, разблокировал его лицом (как он меня, такого упоротого, узнал?) и протянул шееру. Тот покрутил росфон в руках и с грустным «Ну, пиздос» прилёг рядом. Нажал на свою правую кисть, в которую был имплантирован микроскопический роутер, и принялся копаться в настройках росфона. Пошаманив с его VPN, шеер пробурчал: «Ну давай, Вася-сан, не тупи!» – и зашёл в браузер.

– Так, сидим не больше трёх минут и сваливаем отсюда. Время пошло. Чего сёрчим?

Я напряг лоб, собрал покидающую меня волю в кулак и тяжело выдохнул:

– «Синтетика», «пыль», «Китай», «семь крипто-юаней».

От умственных усилий меня закрутило с ещё большей силой. Я резко перегнулся влево и, еле успев разблокировать сопло фильтра, блеванул на крышу.

– Да, чувак, поблуй-поблуй, должно стать легче.

Пока моё тело сжималось в жалкий комок, шеер искал инфу. Его голос шёпотом руководил умным ассистентом, периодически задавая мне контрольные вопросы («Какого цвета пыль?», «Как принимал?», «Пил алкоголь?», «Как выглядел барыга?») и что-то бубня себе под нос, но были ли то особые заклинания или привычный русскому уху мат – этого я разобрать не мог.

Наконец он произнёс:

– Итак. Его называют *GKE*, или *God Knows Everything*. Производят действительно в Китае, но не в Пекине – это дерьмо откуда-то из глухих провинций. Международный комитет по контролю за оборотом наркотиков внёс средство в реестр запрещённых препаратов около месяца назад. Но распространить его успели практически по всему континенту. У пыли нестабильная молекулярная решётка, она быстро меняет агрегатное состояние под воздействием температур. То есть ты принимал её как сухое вещество, но, едва попав в твой нос, *GKE* превратился в слизь, скатился по глотке и теперь раздражает стенки желудка, залитого водкой, вызывая адские спазмы. Нельзя его с алкоголем мешать ни при каких раскладах. Да и травка была лишней. Хорошо, что ещё не харкаешь кровью, такое тоже бывает. Прёт примерно восемь часов; летальных исходов, по крайней мере официальных, зарегистрировано не было. Сейчас главное – напиться воды и блевать-блевать-блевать. Короче, тебе ещё пов...

Он не успел договорить – внизу раскатом грома пронёсся вой полицейской сирены и крики. Шеер встрепнулся, выключил сигнал и в полуприседе, не разгибая спины, похожий на какое-то неведомое ночное животное, засеменил к краю крыши. Аккуратно выглянув, он чертыхнулся и пополз обратно.

– Нам надо валить. Срочно. Идти сможешь?

В ответ я только замычал: наркотик накрывал новой вол-

ной, а тело было обезвожено до такой степени, что блевать было уже нечем, хотя спазмы всё продолжались. Шеер поднял меня и потащил к выходу. Но открыть дверь он не успел – она распахнулась сама, её выбил облачённый в экзоскелет полицейский. Столкнувшись с нами лицом к лицу, он от неожиданности мгновенно ударил шеера прикладом пистолета прямо в висок. Шеер рухнул наземь, и я вместе с ним...

Всю оставшуюся ночь и последовавший за ней день я провёл в зловонном обезьяннике вместе с десятком других сомнительных рейверов. Очнулся шеер или нет, я так и не узнал. И больше своего безымянного спасителя никогда не видел.

2.2

– Привет.

Олег поднял глаза от экрана. Аня была в новой футболке ярко-жёлтого цвета.

– Привет, – ответил он, усилием воли расслабляя челюсть, которая напряглась быстрее, чем он успел понять, что происходит.

Этот момент стал точкой отсчёта. Да, наверное, именно тогда у него впервые промелькнула мысль: «Сомной не всё в порядке».

Олег живёт со своей девушкой Аней, а работает в

офисе, занимается контекстной рекламой в агентстве, целыми днями запускает кампании, ест столовские обеды, курит, иногда отвлекается и листает фейсбук. Читает новости, злится. «Новое величие», сёстры Хачатурян убивают отца, дело о булочках с маком – и вся семья Полухиных в тюрьме. Расследования ФБК, сроки за репосты, Сенцов, Серебренников, «Такие дела», «Медиазона»... Особенно почему-то Олега, в принципе далёкого от политики и общественных волнений, задевает Сенцов. Может быть, потому что они тёзки, такое вот странное предположение.

Олег читает новости, посты неравнодушных френдов, а потом закрывает вкладку и никогда ни с кем это не обсуждает. Он даже как-то забывает всё прочитанное, как только одна из рекламных кампаний требует его внимания, и потом, когда идёт на обед или домой, никогда не вспоминает то, что мелькало сегодня в ленте.

То есть новости поднимают в нём какую-то бурю, да, но в течение дня она, как взвесь в стакане, успевает осесть на дно и почти что рассеяться. Так всё и идёт день за днём, снова и снова...

Как-то Олег возвращается с работы довольно поздно. Идёт в полузабытьи, не думает, в общем-то, ни о чём. Недалеко от дома сворачивает в переулочек – один из этих неосвещённых тихих переулочков на окраине. И видит курьера Яндекс. Еды: глаза даже в темноте различают фирменную экипировку и за спиной коробку, обтянутую жёлтой клеёнкой. Курьер

смотрит в телефон, сверяется с навигатором. Олег идёт за курьером, а вокруг них потихоньку вырастает какая-то бесконечная стройка и переукладка асфальта. Из недр этой стройки торчит кусок арматуры. Олег подхватывает арматуру и легонько ударяет курьера по голове. Легонько – так что курьер падает, хватается за голову, но сознания вроде бы не теряет. А Олег с незнакомым ему самому звуком, вырывающимся откуда-то из горла, стаскивает с него жёлтую тёплую сумку и бежит во дворы. Там он останавливается, тяжело дышит, достаёт из сумки один из пакетов, а всё остальное швыряет куда-то в кусты. И обходным путём, уже достаточно спокойно и ровно дыша, идёт домой.

Аня немного удивляется тому, что Олег принёс что-то к ужину – это на него не похоже. Но лишних вопросов не задаёт, потому что сама ничего не готовила и всё это вышло очень кстати.

– А что там? – спрашивает она, указывая на пакет в руках Олега.

– Да там... – Олег достаёт содержимое и протягивает Ане две плоские пластиковые коробки. – Роллы вот. И вот ещё... – Он передаёт ей китайские картонные коробочки.

– Лапша? – спрашивает Аня, заглядывая внутрь. – Кла-а-ассно.

Аня рада. Олег отправляется в душ, потом они включают сериал, ужинают, занимаются сексом и засыпают. На следующий день Олег чувствует прилив бодрости. Он идёт на работу и не вспоминает о

вчерашнем – не вспоминает так, как будто ничего не случилось.

Недели через две всё повторяется.

Он видит курьера ещё у метро, когда тот выходит из пиццерии. Курьер идёт в противоположную от дома Олега сторону, но Олег, не особенно размышляя (даже совсем не размышляя), двигается за ним. Увидев торчащую из мусорки бутылку из-под «Журавлей», он выхватывает её и продолжает идти за курьером. Тот слушает музыку и время от времени поглядывает в телефон. Олег ждёт подходящего безлюдного места – и вот на выходе из арки у одного из домов он подсакивает к курьеру, оглушает его (в этот раз не рассчитав силу удара – курьер вырубается). Олег тут же открывает квадратную сумку, вытаскивает верхний пакет и скрывается во дворах.

Дальше можно описать, как Олег живёт своей привычной жизнью. Как становится даже более участливым к людям, а на работе более креативным (насколько это возможно в рамках его профессии). И как всё чаще нападает на курьеров – разной национальности, комплекции, иногда догоняя их велосипеды, иногда поджидая на выходе из «Макдоналдса» и «Якитории». Как, получив от Ани эсэмэс «Купишь что-нибудь к ужину?», уже на работе начинает продумывать, куда пойдёт сегодня. Как выходит на других станциях метро, делает своё дело, а потом на такси добирается до дома. И как ложится

потом в постель – без единой мысли о совершённом.

Потом появляются первые новости о нападениях на курьеров на северо-западе Москвы. Олег пролистывает эти посты без особого интереса. Но всё так же голодает Сенцов. И всё так же сжимаются челюсти у Олега, когда он читает про дело «Нового величия» и Аню Павликову.

А потом эта футболка на Ане, на его Ане. Первый сигнал. Первый раз он почувствовал «это» не ночью на улице, а днём, в субботу, сидя на своём диване. Дальше – больше. Отныне жёлтый цвет такси приводит его в ярость. Днём он старается не ходить возле своих излюбленных кафе, предназначенных для вечерней охоты. Да и вечером старается не ходить. Аня пишет: «Что-нибудь купишь к ужину?» Он отвечает: «Не смогу, на работе аврал». И бродит по городу, всегда в новом районе. Сдерживается изо всех сил, но в какой-то момент опять находит человека в жёлтом. И опять бьёт его чем-нибудь тяжёлым. Несколько раз с ним вступают в драку, но неуклюжий рохля Олег в порыве гнева снова и снова оказывается победителем – и достаёт шуршащие пакеты из клеёнчатых сумок...

Концовка рассказа может быть такая. Олег случайно убивает курьера. По-настоящему. Насовсем. И как-то сам это понимает. Стоит над телом с горячим пакетом в руках и осознаёт, что это тело остынет, больше не пошевелится, не заговорит. Но он не убегает, как обычно, а стоит над этим невезучим курьером. Олег почему-то твёрдо знает, что убегать необязательно. Что

никто третий не появится в этом переулке. А если случайно и забредёт, то, едва увидев Олега и лежащего на асфальте курьера, сразу же отведёт глаза и быстро уйдёт восвояси. Поэтому Олег медленно, никуда не спеша, переворачивает тело, вглядывается в смуглое лицо своими безумными, широко раскрытыми глазами и...

– Ты на следующей выходишь? – слышу я прямо возле уха обволакивающий мягкий голос, мгновенно вырывающий меня из нарратива ретроистории. Этот контент транслировала в нейронаушники моего росфона известная писательница и поэтесса Даша Морякова – а точнее, её персональный AI-ассистент, имитирующий хозяйку и преподающий мне основы литературного мастерства в рамках дорожного персонального онлайн-курса, предназначенного для вечно молодых писателей-неудачников типа меня. Сей контент я, конечно, себе позволить не могу, а вот триальный тестовый урок с возможностью выбрать релевантную тему (я взял, соответственно, «генерацию сюжетной линии рассказа про курьера») – это вполне по моему криптокошельку. Что мне этот курс даст по факту, я ответить ни себе, ни псевдо-Даше не в силах. Что-то да даст... Хотя мой писательский талант уже давно можно сровнять с землёй и по-быстрому отслужить по нему молебен – кажется, этот ребёнок мёртворождён.

Отвлечённый незнакомым голосом, я вздрогнул, спешно

вырубил курс, выпалил машинальное «да-да», а уж только потом обернулся – и обомлел. Слева от меня стояла вызывающе красивая молодая девушка с висящим на шее стильным серебристым фильтром, в облегающем сером комбезе странного кроя и таких же пыльно-серых футуристичных ботинках. Её чёрные волнистые волосы и зелёные ведьминские глаза притягивали взгляд, а пухлые, будто потрескавшиеся от мороза губы, тело, пышущее здоровьем (не спрашивайте почему, но я был в этом стопроцентно уверен, и всё), и пряный восточный аромат парфюма рождали животные инстинкты. При всей внешней сексуальности незнакомка не производила впечатления дорогой столичной шлюхи – наоборот, то ли из-за выражения лица, то ли из-за почти отсутствующего макияжа я решил, что она и мужчины-то в жизни ни разу не пробовала (хотя, скорее всего, это был всего лишь коварный женский трюк ну и мои разбушевавшиеся гормоны). На вид ей было лет двадцать, однако на самом деле вполне вероятно, что и за тридцать – меня мог ввести в заблуждение умышленно молодёжный образ (м-да, рассуждаю как глубокий старик – да сколько мне вообще лет?!). Одно я за эти мгновения понял точно: она была будто из другого мира. И этот мир мне был определён по вкусу.

На мой очевидный интерес девушка отреагировала, окинув меня беглым взглядом. Поначалу мне почудилось в нём пренебрежение и я уж было хотел в смущении отвести глаза, но незнакомка неожиданно одарила меня кроткой улыб-

кой, которую трудно было уловить – но мне, похоже, свезло. Я неуклюже улыбнулся в ответ и, кажется, миг покраснел. Она посмотрела вниз, себе под ноги, коснулась одного из ниспадающих на плечи локонов и ещё раз чуть заметно, будто сама себе, улыбнулась... Чёрт, да она со мной флиртует! Удары сердца слились со стуком поезда, летящего через графитовый стержень подземного тоннеля, и вслед за ним начали постепенно замедляться.

– ...Станция «Краснопресненская».

Я посмотрел в отражение дверей, к которым, как известно, не следовало прислоняться: незнакомка глядела прямо на меня – глядела уверенно, и в глазах её читался безмолвный вопрос. Поезд стремительно сбавлял скорость. Не отводя взгляда, девушка осторожно взяла мою руку – да что вообще тут происходит?! Такого развития событий я предположить никак не мог. Было странно и одновременно хорошо. Её бархатная кожа источала приятное тепло и забытое, давным-давно ставшее фантомным чувство спокойствия и уюта.

А потом случилось невообразимое. Двери вагона резко открылись, и столь же резко она притянула меня к себе и чувственно поцеловала – прямо в губы. Земля медленно поплыла у меня под ногами, а за закрытыми веками взорвался фейерверк из разноцветных эндорфинов. Вкус её поцелуя отдавал чем-то сладким, напоминавшим шоколадное мороженое из детства, – едва попробовав его, я сразу же захотел вторую порцию. И ещё одну. Казалось, в то мгновение оста-

новился не только поезд, но и время, а вместе с ними и весь этот мрачный подземный мир. Пассажиры недовольно бурчали, пытаясь обойти наш случайно образовавшийся симбиоз, но нам было абсолютно всё равно.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Белорусская».

После этих слов, вырвавшихся из динамиков состава и сразу же повторившихся на китайском, девушка удивила ещё больше (хотя куда уж) – вытолкнула меня из вагона, да так, что от неожиданности я чуть не грохнулся на холодный гранит платформы. Как же мне хотелось вбежать обратно или схватить её за руку и вытащить за собой! Но, точно в насмешку, двери захлопнулись, и сквозь исцарапанное анимированными граффити-тегами стекло я увидел её, делающую недвусмысленный жест «пока-пока» – той самой ладонью, которую ещё секунду назад я с силой и страстью сжимал в своей горячей и влажной ладони.

Поезд унёсся прочь, а мне оставалось лишь провожать его взглядом до тех пор, пока пространство тоннеля, в который он занырнул, вновь не погрузилось в кромешную тьму.

Пока-пока...

2.3

Кто она? Что это было? Секундное помешательство? Кислотная галлюцинация? Любовь с первого взгляда? Похоже,

и то, и другое, и третье сразу. Дабы убедиться в реальности происходящего, я инстинктивно потрогал губы – нет, это точно не сон: мы действительно поцеловались, причём так, словно знали друг друга целую вечность. Но что я на самом деле о ней знаю? Ни-че-го: ни имени, ни профиля социальной сети, ни мэйла, ни номера *ID* (или, по-русски говоря, паспорта), которым помечается каждый живой и неживой объект РНКР. Какие-то отличительные признаки? Татуировка? Пирсинг? Шрамирование? Если что-то такое и было, то я этого не заметил. Единственное, в чём уверен точно: в понедельник утром она ехала по Кольцевой в направлении от «Киевской» до «Белорусской». Возможно, на работу. То есть отныне мне каждое утро уготовано, подобно верному Хатико, высматривать незнакомку по этому маршруту – и так до скончания веков – в надежде, что наши пути вновь пересекутся? Или расклеивать по всему метрополитену романтические объявления: «Если вы увидите эту девушку, пожалуйста, передайте ей, что она снесла мне нахрен голову»? Или прыгнуть под колёса этого сраного поезда с криком: «Выбросила меня из вагона – выбросил тебя из своей головы»?..

Я поднимался на поверхность Москвы, чувствуя, что этот день таит много больше сюрпризов, чем могло показаться. Меня лихорадило, как от той внезапно всплывшей в памяти китайской пыли, – померещилось даже, что разум действительно подвергся влиянию сильного синтетического

наркотика, катапультировавшего непредвиденное помутнение рассудка в открытую бездну моего таинственного «я».

Посмотрел на часы. Ровно через двадцать минут мне следовало стоять перед вторым адресатом, базирующимся где-то в подворотнях на «Краснопресненской».

Поднявшись, я тут же нырнул в подземный переход, где вдрызг пьяный бомж распивал дешёвую китайскую настойку на пару с грязной плюшевой пандой, и, выпрыгнув на противоположной стороне улицы, начал обгонять Московский зоопарк. Неожиданно мне перешло дорогу огромное нечто – наглая серая крыса, которую из-за выдающихся размеров я принял за небольшую, но весьма упитанную собаку. Она вышагивала вальяжно, как дама на утреннем променаде. Не сбавляя шага, я переступил через неё и двинулся дальше, припоминая, что недавно про крыс с «Краснопресненской» смотрел на РосТВ целый репортаж: якобы они полностью оккупировали станцию и её близлежащие окрестности, приобретя иммунитет против любых крысиных ядов и сожрав (видимо, за успех этого дела) беззащитного оленёнка, только недавно появившегося на свет в стенах зоопарка.

М-да, за последние несколько десятилетий технологии скакнули вперёд (несмотря на то, что после того опасного военного конфликта с Западом рост их значительно замедлился), но жители нашей страны от этого вряд ли выиграли: наоборот, всё стало очевидно хуже – страшнее, грязнее и безжалостнее. Здесь и раньше не особо-то ценили челове-

ческую жизнь, а сейчас и подавно. Ведь зачем государству нужен слабый и грешный человек, если его легко можно заменить на сильного, не знающего усталости бесчувственного робота в широком понимании этого слова? Люди этому государству нужны лишь в трёх случаях: чтобы платить налоги, которые с каждым годом только растут, чтобы обслуживать машины и технологии и чтобы выполнять специфическую рабскую работу типа моей. Поэтому я эту крысу в чём-то даже понимаю и уж точно ни за что не виню. Я и сам тут крыса...

Местом назначения оказалось пустующее пятиэтажное здание с заколоченными, а где-то и вовсе выбитыми окнами, которое пряталось от посторонних взглядов на задворках главной столичной тюрьмы для животных. Водопроводные трубы, покрывшись многолетней ржавчиной, краснели за свой внешний вид, а оплётанные разрисованные двери прятали понурые головы под покосившиеся козырьки. То там, то тут стены здания были изрешечены пулями.

Навигатор показывал, что мой адресат внутри. Я подёргал деревянную дверь, и она с трудом поддалась, открыв мне грязный пищевод дома. Я выдохнул и шагнул внутрь. В сопла фильтра ударил прелый, гнилой запах. Инстинктивно прикрыв область носа, я двинулся на последний этаж.

Медитативно пересчитывая ногами кривые ступени, я удивлялся нелепости происходящего. Кому в этом полураз-

валившемся здании может передавать зашифрованные данные богатая корпорация? Обанкротившемуся бизнесмену? Гениальной крысе-мутанту? Сознание непроизвольно рисовало ещё более бредовые объяснения странной геолокации, но все они тут же разбивались о твёрдый гранит пока ещё здравого смысла.

В конце концов я оказался на лестничной клетке пятого этажа. Всего три двери с табличками «13», «14», «15». Ещё раз проверил данные адресата – номер квартиры указан не был. Не успел и подумать о дальнейших своих действиях, как услышал тихий неприятный скрежет: дверной глазок квартиры под номером «15» выпал наружу, а из крохотного отверстия начало медленно вылезать нечто вытянутое, блестящее. Пытаясь разглядеть это явление, я прищурился и шагнул ближе к двери. На меня двигался ресивер, но подобной модели я никогда раньше не видел – создавалось ощущение, что сделан он наспех и из подручных материалов: кусок каучуковой резины, металлической проволоки и потёртой линзы. Оставалось лишь догадываться, что пряталось за хлипким резиновым корпусом этого самодельного гаджета, но что-то мне подсказывало, что дорогостоящих китайских микросхем из премиальных девайсов стоимостью около четырёх тысяч криптоюаней за базовую версию там явно не было.

Я подошёл к устройству вплотную и посмотрел в округлую крошечную щёлку, из которой он торчал. Незримый ад-

ресат, стоящий за дверью, не выдавал своего присутствия. Я замешкался и несколько раз учтиво откашлялся, побуждая невидимку к действию. Время шло, но ничего не происходило. Вдруг на улице вспорхнула ворона и грязно при том выругалась, выведя меня из ступора: следующее действие я совершил практически неосознанно – нажал на пластиковую кнопку старого дверного звонка и сам вздрогнул от звона. Ресивер ни на йоту не сдвинулся с места, никаких звуков из квартиры также не было слышно. А может, подумал я, ресивер выдвигается автоматически, с помощью, скажем, простейшего робота?

И тут раздался голос адресата: глухой, низкий, рокошующий, будто принадлежал не человеку, а Древнему из мрачных лавкрафтовых мифов.

– ИЧТОЭТОСЕЭЭЭЭЙЧАСБЫЛО?

Адресат говорил странно и пугающе – медленно и раскатисто, не делая пауз между словами, подобно неземному существу, решившему повторить речь людей, но не особо понимающему её смысл.

Я замер, почувствовав, как желудок в страхе сжался в комок – такое порой случалось со мной от панических атак, заработанных ещё на первом курсе универа в процессе плотного знакомства с грязными синтетическими психоделиками.

Не зная, что ответить, я, точно испуганный ребёнок, машинально закрыл глаза и постарался отсчитать три глубо-

ких вдоха и выдоха, чтобы хоть как-то прийти в себя. Не дождавшись окончания экспресс-медитации, покорно склонился над линзой ресивера и выпучил левый глаз – но трансфер информации не активировался. Адресат явно ждал ответ на свой простой вопрос.

– МНЕПОВТОРРРРРИТЬ?

Я постарался ответить как можно более непринуждённо, но голос постыдно вибрировал, как раздолбанный палёный росфон:

– Не знаю, я просто позвонил в дверь... Не надо было?

Последовало молчание, растянувшееся на вечность. Всё это время я томился перед дверью, не зная, куда себя деть от очевидной неловкости ситуации.

А потом адресат произнёс:

– ДАНННННЫЕ.

Я громко выдохнул, несколько раз кивнул и опять приблизился к ресиверу. Последовала автофокусировка: мой левый глаз напрягся, а на периферии линзы появился индикатор загрузки.

Когда трансфер был завершён, я зажмурил пульсирующий от напряжения глаз и по привычке с усилием выдавил слезу (считалось, что этот трюк якобы помогает сетчатке вернуться в состояние относительного покоя). Обычно слеза появлялась не сразу, однако сейчас выкатилась мгновенно – настолько плотно окутывал мой разум тяжёлый животный страх.

И тут, когда я был совсем уж не готов к новым ментальным потрясениям, в дверь с обратной стороны ударили с силой, достаточной, чтобы сорвать эту дверь с петель. И вместе с ударом прозвучало всего одно слово, заставившее мою кровь мгновенно остыть в жилах и тут же нагреться до экстремальных температур:

– ПРОООООООООЧЬ!

Я замер в оцепенении – а потом со скоростью борзой, укушенной заражённым бешенством диким зверем, бросился вниз по лестнице, перепрыгивая целые пролёты и слыша доносящийся сверху рёв.

«ПРОООООООООООООООЧЬ!»

3.0

«Белорусская»

3.1

Я бежал не останавливаясь до самого метро. И только когда тяжёлые стеклянные двери станции захлопнулись за моей мокрой от страха спиной, чтобы вновь распахнуться перед позади бегущими, время с усилием старого, многовекового механизма замедлило свой ход. Опустив голову и уперевшись вспотевшими ладонями в колени, я замер посреди вестибюля, тяжело дыша и слыша неодобрительное цоканье людей, вынужденных менять траекторию движения из-за моей экстренной остановки.

Часы, без устали мерцающие пикселями в правом верхнем углу глаза, показывали без пятнадцати, а ровно в десять нужно было стоять перед дверьми третьего адресата; я чертыхнулся и побежал вниз по эскалатору.

Сколько себя помню, мне никогда не хватало времени. Даже в далёком детстве, когда, казалось бы, это понятие отсутствует напрочь, а окружающий мир представляется бесконечным аттракционом новых открытий, я всегда куда-то опаздывал: сначала по вине матери, потом – забывчивой по-

жилой няни, после – по собственной. В результате со временем (ха-ха) у меня развилось перманентное ощущение вины за свою тотальную неспособность управлять этой таинственной и совершенно непокорной величиной.

И вот я уже вроде бы взрослый, а всё никак не могу обуздать расписание и научиться наконец чётко укладываться в какие бы то ни было дедлайны. И это при том, что моя профессия – курьер, для которого время равно деньгам по определению. Конечно, каким-то образом я успеваю (иначе бы меня давно попёрли с этого насиженного, а точнее, «набеганного» места), но даётся мне моя работа с таким трудом и отвращением, что и представить сложно. К чему тогда всё это? Сам себя постоянно спрашиваю и ответить на этот простой, в общем-то, вопрос толком не могу. Слышал, что древние люди называли такую несостыковку желаемого и действительного кармой, – ну а я именую эту ситуацию тотальным пиздецом. Но это мой пиздец. И, видимо, мы с ним друг к другу привыкли, как привыкают к нелюбимым соседям и коллегам, родителям и детям, мужьям и жёнам.

Бег по эскалатору неумолимо возвращал меня к мыслям об адресате номер два. Что, чёрт возьми, это было? Пренебрегая безопасностью (работодатель тречит все поисковые запросы, совершаемые мной через линзу), я решил пробить информацию о данном доме и подъезде.

– Нихао, РосПоиск. Зоологическая, тринадцать, строение два.

Поисковый монстр ответил незамедлительно приятным женским голосом:

– Антон, здание на улице Зоологическая, дом тринадцать, строение два, город Москва, было построено в 1963 году. В период с 1992 по 2023 год в нём располагался Государственный центр современного искусства. В 2023 году здание пострадало от трёхдневной террористической атаки Москвы группировкой *iKILL* (ранее ИГИЛ; организация запрещена на территории Российской НеоКоммунистической Республики) и было признано аварийным. По итогам спецоперации погибли шесть террористов, ещё трое были задержаны, а одному удалось скрыться; до сегодняшнего дня он так и не обнаружен. Организация ГЦСИ переехала на соседнюю улицу Красина, а само здание, которое сначала планировалось отреставрировать, было заброшено из-за очередного витка мирового финансового кризиса... Вы удовлетворены найденной информацией или мне искать дальше?

Не сбавляя шаг, я отрицательно мотнул головой, и поисковая машина ушла в сон. Может быть, тот самый сбежавший террорист и есть мой адресат? И до сих пор там и прячется – в одной из квартир догнивающего свой век дома? Звучало пугающе.

Сбежав с ползущего эскалатора, я оказался на переполненной платформе. Люди толпились и откровенно нервничали: видимо, поезд опаздывал. Я вновь взглянул краем глаза на время, инстинктивно погладил влажными ладонями пуль-

сирующие виски и чуть слышно буркнул: «Обратный отсчёт до 10:00». Тут же электронное время на экране линзы обнулилось и на его месте загорелся начавший движение в вечность таймер: 14:43, 14:42, 14:41... Чёрт, да где же этот грёбаный, мать его, поезд?!

Словно услышав мой внутренний голос, приближающийся подземный червь озарил тоннель тусклым светом и гулко взвыл. Когда состав тяжело затормозил и двери его со скрежетом разъехались, толпа, подобно внушительной колонии термитов, вползла в аскетичного убранства помятые вагоны, а меня вновь вжало в уже ставшую родной надпись «Не прислоняться». Тысячи раз в голову приходила мысль, что когда-нибудь машинист – по неосторожности или же, наоборот, по хитрому, давно спланированному умыслу – вдруг резко, без предупреждения, нажмёт на кнопку экстренного открытия дверей (уверен, такая у них есть, просто должна быть) и в мгновение ока я вылечу навстречу страшной, отвратительной, но на удивление лёгкой и символичной смерти. В такие параноидально-рефлексивные минуты буйная фантазия моего разума всегда рисует эпическую развязку: в течение всего дня до самой глубокой ночи (и особенно подробно – в вечерних праймовых новостях) все онлайн-СМИ столицы наперебой трубят о моей трагической кончине, демонстрируя многомиллионной армии загипнотизированных юзеров видео с камер наблюдения поезда, запечатлевшее последние секунды жизни простого московского курьера Анто-

на. А на следующее утро машинные медиа-агрегаторы выдают набравший (надо же, всего за сутки!) несколько миллиардов просмотров ролик в топе самых популярных материалов дня, месяца и, чего уж там, года. Всё это время пользователи неистово комментируют меня и мою трагическую судьбу – большую судьбу маленького человека, ставшего жертвой бесчувственного подземного мира и лично машиниста поезда, страдавшего в то злосчастное утро тяжелейшим похмельем. Прямо на глазах мирового сообщества я становлюсь иконой абсолютной свободы, и даже экстремистская группировка *Code_in* выкладывает в сеть очередной грозный видос, в котором обещает раз и навсегда взломать сеть метрополитена, – и взламывает, ставя на заглушку приветственной страницы подземки мою фотографию в чёрной похоронной рамке со слоганом *He died not for your free Wi-Fi, but for our freedom*. Занавес. Продолжительные аплодисменты. И сладостное осознание: я мучился на этой планете не зря. Пусть и признали меня не сразу – лишь после того, как я эту планету покинул.

Да уж, разум человека – точь-в-точь как торт «Наполеон»: многослойная субстанция, в которой одно размышление может с лёгкостью покоиться на другом, другое на третьем, и так до бесконечности. Вот и сейчас я смакую в вечно беспокойной голове фантазию об уходе из жизни в статусе национального героя и в это же время вспоминаю о туманном миллиардере-философе из гостиницы «КНР», и о та-

инстинктивном незнакомце (неужели всё-таки сбежавшем террористе?), скрывающемся в заброшенном доме на «Краснопресненской», и, самое главное, о ней: девушке из метро, которая буквально в одно мгновение умудрилась установить между нами самый чистый и честный контакт за все годы моего существования в этом грубом и бессердечном обществе. А вдруг встреча с незнакомкой произошла в этом самом поезде, в котором я сейчас еду? А может, даже и в этом самом вагоне – на месте, где я прямо сейчас стою? Ведь за время, которое заняла у меня доставка № 2, этот состав легко мог совершить круг по кольцу и заново забрать меня в свой плен.

Я инстинктивно втянул ноздрями сухой подземный воздух. Как она пахла? Не помню. Но чем-то определённо вкусным. Ничего подобного сейчас вокруг себя я не почувствовал. Как она выглядела? Чёрт, память решила сыграть со мной в кошки-мышки – начинаю стремительно забывать черты её лица. Я закрыл глаза и напряг лоб в попытке вернуться в ту самую секунду, когда впервые увидел незнакомку. Чёрные, как смоль, жёсткие локоны, спадающие на плечи. Красивые пухлые губы без помады. Белые зубки, стоящие не впритык друг к другу, – я обратил на это внимание, когда она улыбнулась, и мне этот милый изъяс сразу понравился. Большие зелёные глаза с хитрым, но строгим прищуром, пытливым взглядом выжигающие вокруг себя всё пространство (а заодно и моё сердце). Да, она определённо недурна собой. Но как мне теперь её отыскать?

Бесконечный поток мыслей прервал голос свыше: доброжелательная диктор сообщала об успешном прибытии на «Белорусскую». Я бросил взгляд на электронный циферблат часов – таймер показывал, что до встречи с адресатом осталось чуть более одиннадцати минут, – и, едва двери раскрылись, пулей вылетел из вагона. Надо торопиться, если не хочу навлечь на себя гнев корпоративных богов. Ведь они, как известно, бывают крайне жестоки.

3.2

Если «Краснопресненская» известна заплонившими её крысами, то «Белорусская» – главное пристанище московских бомжей. Здесь, если пройти от вокзала под мостом в сторону Лесной, уже лет тринадцать находится постоянное место дислокации самой большой столичной банды бездомных, поэтично именующей себя Белый Легион. Вероятно, нейминг происходит от бывшего названия этого места, в эпоху российского псевдокапитализма именовавшегося Белая площадь. То была цитадель белых (не думаю, что это совпадение) воротничков, представляющих интересы крупных англосаксонских корпораций. Теперь же в тёмное время суток даже местные полицейские сторонятся этого мрачного чертога; что уж говорить о рядовых жителях: тут тебя или ограбят, или похитят, взяв в рабство и потребовав у родственников солидный выкуп, а то и вовсе зарежут, если будешь кри-

чать. Разумеется, власти об этом произволе знают, но ничего сделать с ним не могут, а может, и не хотят: поговаривают, что главарь банды – то ли индийский, то ли иранский маг и чародей, тайно приведший многих нынешних московских чиновников к власти и богатству. Этаким Распутин нового времени (помнится по школьной программе, был такой исторический персонаж – не путать с нашим Великим Верховным Правителем, это другой). Также ходили слухи, что будущий предводитель Легиона был рождён во чреве одной из тех бедных женщин, что вынуждены беременными поневоле сидеть в грязных переходах метрополитена и со страдальческим видом просить милостыню. Некоторые городские языки шептали, что дитя было отпрыском цыганской колдуньи, которую купила в бессрочное рабство московская ОПГ, державшая в далёких девяностых прошлого века развитую сеть всякого рода попрошайек столичной подземки. И якобы, когда этот заведомо обречённый на страдания ребёнок повзрослел, священная месть не заставила себя ждать: босс ОПГ был то ли отравлен, то ли сражён так называемой чёрной порчей, при которой тело здорового человека начинает гнить, будто он уже несколько дней как умер.

Все эти мысли роем навозных мух жужжали у меня в голове, пока ноги несли под полуразбитый, забомблённый неприличными AR-граффити мост, за которым располагался мой третий адресат. Старые курьеры говорили, что до прихода Белого Легиона ещё можно было выйти из метро сразу на

Белую площадь, но теперь тоннель был замурован бомжами, а сама платформа стала то ли их складом, то ли пыточной, то ли вообще местом для сакральных жертвоприношений. Поэтому я был вынужден подняться с Кольцевой и, следуя отображаемому на линзе маршруту, пересечь пустую неприветливую площадь вокзала, чьи пути вели в сторону Белорусской области. И по мере приближения к заданному месту всё яснее начинал осознавать, куда, собственно, спешу. И всё сильнее к горлу подступала тошнота вперемешку с уже ставшей привычной тревогой.

Новые проблемы не заставили себя ждать. На подходе к мосту я был «любезно» встречен отрядом из четырёх бомжей, источающих непередаваемое амбре и вооружённых не хуже реального военного отряда: у двоих пухлых бородачей в грязных руках теплились родные АКМ 2024, созданные в эпоху активного замеса с Западом; третий – вытянутый и сутулый, с рыжими длинными дредами – был увешан лентой боевых гранат; последний – натуральный карлик, да притом ещё и беззубый – держал в крошечных пальцах два выкрашенных в пошлое золото *NFT*-«узи», подтверждённых цифровым токеном (соответствующая плашка в виде анимированной награды за боевую отвагу парила над каждым автоматом, что наглядно отображала моя линза). Все четверо были разодеты в дешёвые, изрядно поношенные шубы и не особо трезвы: стойкий перегар и неуверенная координация подтверждали, что я попал точно по адресу.

«Что за цирк уродов?» – успел подумать я, и тут же один из бородачей уверенным ударом приклада в живот заставил меня припасть лицом к пыльной земле и содрогнуться от боли.

– Тебе чего здесь надо, малой? Решил увидеть свои обречённые внутренние органы воочию? Ну так мы это сейчас тебе быстро устроим, – прошепелявил карлик мне в самое ухо и громко заржал, приткнув один из своих «узи» к моему кадыку. Остальные загоготали в унисон.

Я стоял на четвереньках и сплёвывал через сопло фильтра тёмную желчь на грязный московский асфальт. В глазах было мутно – так бывает, когда будильник начинает своё назойливое стрекотание и ты против воли вынужден медленно выбираться из самой глубокой фазы сна. Но сейчас это был не сон, а самая неприглядная реальность, которая только могла окружать обычного человека привычно жарким от климатического кризиса январским утром.

Карлик ещё ниже наклонился к моему уху и злобно процедил:

– Отвечай, гад поганый, чего припёрся?

Я тяжело вздохнул и еле слышно проскрипел:

– Доставка информации от компании *Delta Industries* на десять утра – это же к вам?

Повисла пауза, растянувшаяся в моём покалеченном восприятии на целую вечность. Карлик перекинулся со своими дружками-головорезами парой фраз на неизвестном мне

рычащем диалекте. После этого двое бородачей взяли меня под руки и поволокли от моста по направлению к Обители – красивому белому храму, украшенному изображением десятков, а то и сотен индуистских божеств, который, по слухам, служил Легиону и главным командным штабом и священным местом для обрядов и поклонений. Можно было всерьёз подумать, что храм этот древний и стоит здесь как минимум тысячу лет, но я, как тот ещё знаток грёбаной столицы, был в курсе, что построили его лишь прошлым летом (по новой китайской технологии в рекордные семь часов), а закос под старину сделали специально, по велению главаря банды.

Миновав ещё два контрольно-пропускных пункта и внушительную горную гряду зловонного мусора, от которого мне вновь поплохело, мы оказались перед воротами храма, богато украшенного мизансценами из жизни Белого Легиона: на одной члены банды просили милостыню, на другой уже кого-то били, на следующих – вожаками любили (постарорусски говоря, ебали), приносили безымянного представителя правопорядка в жертву неведомому одноглазому существу, а потом молились за всё вышеописанное. Один из бородачей заставил меня поцеловать грязный пол, наступив на шею дырявым вонючим ботинком, второй почтительно постучал три раза в ворота – в ответ на это в резном глазе нарисованного на воротах божества появился вполне себе живой человеческий глаз, обладатель которого и отворил

тяжёлые дубовые двери со скрипом, скрупулёзно выверенным дорогостоящими столичными архитекторами. Мы вошли (точнее, вошли мои зловонные спутники, меня же затащили силой).

Внутреннее убранство храма ослепляло помпезным блеском и оглушало громоподобными напевами мантр. Многочисленные своды и грани строения были увешаны разноцветной неоновой подсветкой: похоже, что богослужение в этом сакральном месте мало чем отличалось от образцовой пайдуи (вечеринка по-китайски). В глубоких нишах всех четырёх стен виднелись восковые фигуры ключевых индуистских божеств: отца-основателя Браммы, непрерывно танцующего Шивы, синекожего Кришны и мудрого Ганеши (с этими ребятами я познакомился ещё в школе – была у меня кем-то подаренная детская книжка-комикс, где они выступали такими супергероями). А из центра высокого конусообразного потолка свисала огромная люстра, каждый мельчайший хрусталик которой имел форму свастики (как-то читал, что этот древний символ появился задолго до ребят из Третьего рейха). Прямо под ней располагался квадратный алтарь, плотно окутанный дымом восточных благовоний. На нём с закрытыми глазами в позе лотоса восседал большой широкоплечий человек, в спущенном до талии балахоне, голый по пояс. Когда меня подтащили ближе, я с удивлением понял, что это вовсе не мужчина – в моих представлениях о главаре Легиона фигурировал этот конкретный гендер. Нет, на лицо

это была смуглая женщина с изогнутыми бровями, длинным восточным носом со свисающим из ноздри золотым кольцом и большими пухлыми губами, но при этом широкая и мускулистая, с накачанным мужским торсом, абсолютно лысым черепом, грубыми скулами и крепко скроенным подбородком. Видел в свободном инете, что таких небинарных личностей полно за границей, но у нас в русско-китайском мире подобных персонажей встретить сложно, ибо законы не позволяют. Хозяйке этого места на законы, ясное дело, было глубоко начхать.

Головорезы спешно опустились на колени и припали в почтительном поклоне, вжав мою голову в холодный мрамор храмового пола. Когда мы поднялись на ноги, главарь уже открыла глаза и со спокойствием смотрела в мои, будто пытаясь прочесть поток мыслей, ежесекундно проносящийся всё разрушающим ураганом в сознании незнакомого ей доставщика данных. Мне сделалось не по себе. Мужеподобная женщина слегка приподняла одну из уж слишком жилистых рук (никогда не понимал, как у некоторых индивидов хватает терпения так работать над своим телом, хотя, возможно, это был всего лишь старый добрый биохакинг) и недвусмысленным жестом повелела приблизиться. Меня подвели к алтарю, и я увидел, что всё тело (включая лицо и череп) главаря, подобно храму, в котором мы сейчас пребывали, было сплошь покрыто татуировками, мало отличимыми по цвету от её тёмной кожи, – различными эзотерическими героями

и символами древности. Главной гордостью хозяйки Белого Легиона была, как я полагаю, свежая, набитая цифровыми 3D-чернилами криптоарт-татуировка – выползающий из-за левой ключицы и выпускающий анимированные клубы дыма на область солнечного сплетения свирепый чёрно-белый дракон с характерным узором чешуи, в котором отчётливо считывался верифицированный блокчейн-паттерн.

– Ты всегда такой вечно опаздывающий?

Она смотрела в мои глаза не моргая, с хитроватой, но не злобной усмешкой, как гипнотизёр смотрит на случайного зрителя из зала, прежде чем вызвать его на сцену и как следует распилить на потеху изумлённой публике. Но в отличие от предыдущих адресатов женщина не вызвала во мне страха или отвращения; правда, назвать это встречей мечты я тоже, к сожалению, не мог.

Еле заметно скосив глаз, я обратил внимание на таймер в углу линзы: он показывал отрицательное значение –00:49. Чёрт, действительно опоздал. Но вслух, разумеется, сказал другое:

– Не всегда, но сегодня точно не мой день. Если бы ваши многоуважаемые господа не соизволили отмудохать меня под мостом, был бы вовремя.

Периферийным зрением я заметил, как охранники напряглись. Но главарь лишь чуть заметно улыбнулась.

– Да ты храбрый малый. И притом не лишённый юмора. Мне такие нравятся. И это нравится моим богам. К тому же

ты удачлив. Сегодня определённо *твой день*.

Говорила она с заметным восточным акцентом, смягчая слог и чуть покачивая головой из стороны в сторону.

– Ну хоть какие-то хорошие новости... А что за день такой?

– Четырнадцатое января. День зимнего солнцестояния. Сегодня мы отмечаем Макара-санкарти – праздник цветущего урожая, единственный индуистский праздник, основанный не на лунном календаре, а на солнечном. В этот день всевидящее Солнце входит в знак Козерога, даря человеку благословение на счастливую жизнь. Теперь понимаешь, к чему веду?

О многоуважаемая, я понятия не имею, к чему ты там ведёшь, но точно не хочу, чтобы меня снова били твои прихвостни-дегенераты.

– Боюсь, не совсем.

Она вновь мягко улыбнулась.

– «Не совсем, гуруджи». Зови меня так и никак иначе. Знаешь, честно говоря, в любой другой день ты был бы уже высечен за своё непозволительное опоздание, но сегодня мне придётся сделать в точности наоборот – и, подобно Солнцу, подарить тебе то самое желанное благословение. Дай свою правую руку.

Я хотел было ей подчиниться, но в этот самый момент в голову ударил – нет, не приклад – лёгкий, еле уловимый кайф. Я понял это, потому что с трудом смог оторвать взгляд

от мерно покачивающегося бивнеподобного амулета из резного дерева, висящего у предводителя Легиона на шее. С усилием перевёл взгляд на стоящие вокруг главаря бронзовые подставки в виде цветочных бутонов, в которых молчаливо горели палочки с благовониями. Нет, это точно не сандал или пачули. Марихуана? Да вроде не ей пахнет... Опиум? Я прислушался к ощущениям. По голове начинали бегать мурашки, всё чаще и увереннее, в то время как звуки окружающего пространства незаметно отдалялись, будто меня посадили в толстый невидимый аквариум. Едва я подумал об этом, сознание оперативно сконцентрировалось на вытатуированном драконе гуруджи, который вдруг резко перестал выпускать свой виртуальный пар и, очевидно почувстввав моё присутствие, подозрительно замер. Спустя несколько долгих секунд он плавно отделился от тела женщины, явив свой огромный чешуйчатый хвост во всей красе, и медленно подплыл к моему вспотевшему от напряжения и благовоний лицу. У меня пересохло в горле. Дракон приблизился уже вплотную, касаясь моего лица кончиком дымчатого носа, и грозно посмотрел в своё отражение, лежащее где-то на дне моих расширенных от страха и кайфа зрачков.

– Ты слышишь меня?

Я вздрогнул и медленно сфокусировал взгляд на собеседнице.

– Простите, что?

– Руку, говорю, дай. Да не левую, накуренный ты идиот!

Правую.

Одна половина моего мозга каким-то образом почувствовала, что гуруджи изо всех сил старается держать себя под контролем, но своей рассеянностью я испытываю её долготерпение на прочность. Другая пребывала в тягучем сахарном сиропе, который то и дело норовил залить остатки моего наполовину здорового рассудка. Собравшись с силами, я медленно протянул руку.

В течение минуты адресат внимательно исследовала линии ладони, проводя по ним указательным пальцем. Сначала было приятно, но после гуруджи с силой сжала кисть и закатила глаза. Мне стало больно, я чуть было даже не вскрикнул, но ещё не ушедший из головы кайф обеспечивал анестезирующий эффект.

Не открывая глаз и не отпуская моей руки, гуруджи заговорила:

– Ты увидишь её ещё, но лишь один раз. И этого раза будет достаточно, чтобы погубить её, тебя и вообще всё вокруг. Короче, Антон, грядёт сакральная Жопа. Я не в силах что-либо изменить. Колесо нескончаемой Сансары должно завершить свой оборот. Сегодня.

Я вмиг отрезвел. Приход сняло как рукой – точно кто-то невидимый опрокинул на меня цистерну ледяной воды. Предводитель Белого Легиона медленно открыла глаза и отпустила онемевшую руку, которой я не чувствовал вовсе; всё моё внимание было сосредоточено на только что услышан-

ных словах.

– Что?.. Что, простите?

Гуруджи достала откуда-то из недр своего балахона резную электронную трубку, глубоко затянулась и задумчиво отпустила дым под потолок храма.

– Ты всё слышал. И понял. А если не понял, то совсем скоро поймёшь. Считай это моим пылающим солнечным благословением. Ведь теперь ты в курсе: осталось не так много времени, чтобы продолжать жить в воспоминаниях прошлого и иллюзиях будущего. Забудь о тех, кому ты сделал больно. И не думай о том, что ещё причинит боль тебе. Миллиарды потерянных по всему миру глупцов не понимают этой самой простой и одновременно наисложнейшей человеческой истины. Жить, Антон, надо здесь и сейчас. Звучит как избитая банальщина, понимаю. Но правда этого мира не так уж изошрённа, как многим может показаться. Она очевиднее, чем то, что ты там сам себе постигаешь перегруженным от вечно изматывающих мыслей разумом. Просто пойми: даже лёжа на смертном одре, большинство людей не воспринимают себя в моменте, отдавая души на откуп призракам «вчера» и «завтра». Но сегодня тебе повезло. Отныне ты можешь перестать быть одним из них, и в этом твоё спасение. Так проживи же остаток своей весьма недлинной жизни в абсолютном блаженстве.

Адресат выдохнула вкусно пахнущий восточными сладостями дым – на этот раз прямо мне в лицо.

– Ну, либо умри в позорном невежестве. Это единственный выбор, который ты можешь совершить. Остальное уже предрешиено. Как любят говорить у нас в Легионе, пацаны сверху, – она вновь улыбнулась и игриво указала уголком глаза куда-то вверх, под купол храма, расписанный божествами, – всё, как всегда, уже порешали.

Сказав это, умудрённая жизнью (а то и не одной, спасибо реинкарнации) мужеподобная женщина сняла с шеи амулет, что-то беззвучно на нём нажала – и на одной из граней девайса блеснул искрящийся луч ресивера. Однако даже когда он оказался перед моим глазом... даже когда я бессознательно его напряг, чтобы покорно передать адресату предназначенную информацию... и даже когда головорезы опять, но уже чуть более вежливо потащили меня по холодному полу в обратном направлении... я не думал ни о чём, кроме услышанного. И чем прочнее звенящие в моей голове большим восточным гонгом слова главаря банды Белый Легион переплетались, тем страшнее мне становилось.

Колесо нескончаемой Сансары должно совершить свой оборот. Сегодня...

/Anton Notes

/Домашка

Говорят, что писать нужно пьяным, а редактировать – трезвым. Что ж, если это действительно так, то к своим годам мне удалось достичь относительных высот в первом и с треском провалиться во втором.

В студенчестве, задолго до опыта работы рекламным копирайтером, я даже пытался черкать что-то художественное – получалась какая-то ахинея и белиберда: слова сплетались в красивую паутину, но донести хоть сколько-нибудь внятные мысли у меня никак не получалось, а классические проблемы с родителями, подростковые любовные переживания и другой интимный сор выносить из избы на бумагу как-то не хотелось.

Так или иначе, тогда я даже записался на FR Writers Course – ускоренный онлайн-интенсив для молодых писак в формате full reality с подключением всех органов чувств. В нём улыбчивая кураторка Женя собрала двенадцать учеников-апостолов и, заручившись поддержкой цифровых образов культовых прозаиков, драматургов, режиссёров и литературных критиков из прошлого, преподавала нам азы этого архаичного, но крайне любопытного ремесла. В течение месяца мы участвовали в удалённых сессиях с эффектом пол-

ного погружения – не только в теорию, но и в практику.

Мне особенно понравилось одно домашнее задание (хотя, признаюсь, домашки я откровенно презирал и саботировал их ещё со времён начальной школы). Нашёл в архивах мессенджера сообщение Жени, шерю без изменений:

«Придумайте человека, за жизнью которого вам было бы интересно наблюдать. Опишите его для себя максимально подробно. Вам нужно получить психологический портрет героя. Что он любит? Чего не любит? О чём мечтает? Что ему нужно на самом деле? Каким его видят другие? Каким он хочет казаться? Почему?

Далее вам нужно через описание действий героя в той или иной ситуации показать его характер. То есть если Петя смелый, то вы НЕ пишете “он был смелый”, а рассказываете, как он [банальный пример] нырнул в прорубь за щенком. Помните, что люди не бывают однозначно плохими или хорошими. И что их внешнее и внутреннее “я” могут быть совсем разными.

В итоге я жду три короткие сценки, которые многое расскажут про вашего героя без отдельного описания. По этим сценкам мы попробуем реконструировать характер героя, а вы поймёте, получилось ли у вас передать его через действия».

Несколько дней я пребывал в глубокой фрустрации, не понимая, как мне подступиться к этому заданию, какого придумать героя, какими качествами его наделить и какие дей-

ствия заставить совершать. И так бы, видимо, ничего не написал, пока случайно не напился с приятелем по универу, хорошенько не проблевался и под утро не изверг из себя следующую заметку (взял файл с облака, цитирую как есть, включая опечатки, сделанные в максимально нетрезвом состоянии):

«1. Однажды, в восьмом классе, Натан двинул со своим школьным другом Диманом бомбить 3D-граффити в дополненной реальности. Выбрали геометку с самой большой высоткой района, пришли среди беладня и нарисовали на стене здания гигантский разноцветный фаллос хуй. Когда подъехали менты, они чекнули сей шедевр стрит-арта через свои ментовские AR-очки, знатно подохерели и предложили подросткам проследовать с ними в отделение. Натан расплакался и даже немного обоссался (буквально), моля органы правопорядка не забирать его в тюрьму за нарисованный детородный орган. В итоге менты забрали Димана, а Натана сажать в машину не стали, боясь, что он испортит своими намоченными штанами сиденье. С тех пор лучшие друзья перестали быть лучшими друзьями. В скором времени, к концу учебного года, Натан вместе с семьей переехал в другой город. В общем, дружили, дружили и подружились...

2. В детстве у Натана было домашнее животное. Черная мелкая дворняга, появившаяся в доме, когда отец в очеред-

ной раз пришел с работы пьяным. Пса он подобрал на улице, подпил – на корпоративе. Кобеля назвали Блэк, хотя Натан зал его Мирроу (отсылка к названию известного в то время сериала Black Mirror). Собака была умная и хорошая, Натан её очень любил. Но когда случился переходный аозраст, пацан резко потерял интерес к животному, зато приобрел интерес к улице, девчонкам, выпивке и травке. В какой-то момент Мирроу стал егобесить, а последнего, очевидно, в конце заебало то, что Натан относится к нему как к животному да ещё и называет другим именем. Короче, однажды Блэк убежал и стал жертвой каких-то отмороженных техно-сатанистов: он был найден полицией распятым на местной 5G-вышке. И тогда Натан прозрел. И снова плакал, только теперь не от страха, как когда-то при встрече с ментами, а от стыда. От стыда за то, что пёс был его лучшим другом, а потом подросток вырос – и дружба кончилась. Короче, дружили, дружили и додружились...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.